

Татьяна Доброхотова

РАССКАЗЫ И СКАЗКИ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ

Татьяна Доброхотова

Рассказы и сказки

для взрослых

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=19206617
ISBN 9785447494636

Аннотация

Сборник рассказов разного жанра обо всем на свете. О том, что может случиться и уже случилось. И о том, что не случится никогда.

Содержание

Берег памяти	5
Чувства	17
Лирика	29
Не только про любовь	40
Подарок на будущее	48
Филипп	49
Дядя Котик	51
Филипп	53
Дядя Котик	56
Филипп	59
Дядя Котик	62
Дед	64
Подарок (из путевых приключений моего друга)	76
Конец ознакомительного фрагмента.	87

Рассказы и сказки для взрослых Татьяна Доброхотова

© Татьяна Доброхотова, 2016

© Дарья Кагарлицкая, дизайн обложки, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Берег памяти

Крики чаек, морской бриз, серые волны до горизонта. Элинг с поломанными весельными лодками в стороне от пляжа. Как давно он здесь не был! А ведь тогда дал себе слово не возвращаться никогда. Сколько же лет с тех пор? Тридцать пять? Нет, почти сорок. Сорок – это очень много. Зачем он вернулся? К кому? Память – коварна, только кажется, что все можно вернуть и повторить. Тогда ему было двадцать. И тому, кого он собрался проведать, было столько же, на полгода больше.

Осень началась отвратительно. Петер, с которым вместе прожил шесть лет, сорокадвухлетний профи по спецэффектам в кино, в сентябре получил выгодное предложение из Аделаиды. Спешно собрался, и видимо, нашел на новом месте себе кого-то еще, особо частыми звонками не балует. Он даже не подозревал, что будет так тосковать без него.

Потом болел, пришлось отменить концерты. Первая осень без концертов! Врачи советовали куда-нибудь в санаторий, желательно поближе к теплему морю. Но неделю назад он опять увидел сон. Да, вот это ничем не примечательное место, которое он так долго пытался забыть. Уже забыл. Но иногда все еще видит во сне. И вот решил приехать, пока есть время.

А здесь все изменилось, не узнать. Была деревня, стал го-

род. Стало. Было. И почти вся жизнь позади, между только двух слов. Чья, его самого? Или того, кто остался здесь навсегда, среди этих волн, южного пронзительного неба, зашпанного то ли городишка, то ли деревни? Что он хочет понять? Возможно ли? Удастся найти, услышать? Яркое солнце над головой. Сегодня холодное.

Иван, Иван Сергеевич, сошел с разбитого автобуса. Следовало поискать, где остановиться. Лучше там, как можно ближе к морю. К пляжу, где когда-то все начиналось. К своей юности.

Жилье нашлось сразу, и почти на самом берегу. В ноябре мало кто хочет отдыхать в Крыму, не сезон. Устроился быстро. Теперь туда, на берег, где стояла когда-то их маленькая старая зеленая палатка, в которой так сладко спалось и мечталось под мерный шум волн.

Узенькая улочка виляла среди разноцветных деревянных домов. Как тогда. Все как тогда, будто ничего ни для кого не изменилось, непривычно только идти одному. Иван спускался не торопясь, точно зная, что вон там, на следующем повороте, опять увидит море, раскалывающее о берег соленый холодный прибой.

Домик, совсем маленький, за голубым забором. А он, оказывается, многое забыл. Вот этого домика совсем не знает. Ничего удивительного, за столько-то лет! Или его тогда еще не было?

Музыка. Как знакомо! Светлая, меланхоличная. Шопен.

Только вот исполнение неважное. Все равно. Твой любимый ноктюрн. Здесь? Как странно.

Вот и пляж. Ни единой души вокруг. Ветрено. Влажно. Иван поплотнее запахнул на себе черное длиннополое пальто, чтобы не простыть. Где же тогда они поставили палатку? Вроде вот тут, недалеко от спуска. Или там, чуть правее. Надо же, он не помнит. А дома казалось: все, каждая, даже совсем незначительная, деталь, навечно застряла в памяти так, что стоит только закрыть глаза и увидишь как на картине. Ладно. Их палатка стояла где-то здесь, и каждое утро начиналось тоже вот под звуки Шопена или Бетховена из маленького катушечного магнитофона, которым они так дорожили. Отец Ивана привез его из случайной заграникомандировки.

В то лето они только перешли на пятый курс консерватории. Были молоды, талантливы, неутомимы. Тогда казалось, что не только их беззаботное существование, но весь мир: природа, море, желания – все состоит из звуков. Что из всего, что есть вокруг, уже давно сделана музыка.

Мелодии расскажут обо всем, научат любить, ненавидеть, страдать. Стоит только правильно прочесть их, почувствовать, научиться сыграть. И откроется мир, в который пускают только избранных, тех, кто сможет распахнуть двери. И там, в этом мире, казалось, уже ждут их. Они были слишком успешны, чтобы заметить вокруг что-то еще, кроме самого главного для них – музыки.

Пора возвращаться. Уже темнеет. Надо разобрать вещи и где-то поужинать. У него еще будет время вспомнить, вернуться в жаркое лето, где они были так уверены во всем на свете.

Опять этот домик, и звуки классики из распахнутого настежь окна с белой полупрозрачной занавеской. Моцарт. Теперь это работает музыкальный центр. Не живая игра, проигрыватель. Но очень хорошо, талантливо, виртуозно.

Юноша возле калитки. Нет, молодой мужчина. Совсем молодой, Косая светлая челка, взгляд из-под волос. Пронизывающий, как стрела. Знакомый. Неужели он? И все такой же, не изменился, не постарел? Не может быть. Что-нибудь спросить:

– Нравится, как играет Фредерик Кемпф?

– Очень. Павел, – и протянутая для знакомства рука.

Да, обознался. Глупо было надеяться. И даже не похож совсем. Другое лицо, рост, фигура. Другая одежда. И время сейчас другое. Только вот рука. Узкая кисть, длинные, утолщенные в суставах, разработанные, пальцы.

– Иван. Это ты Шопена недавно играл?

– Я.

– Восьмой ноктюрн – красиво.

Утром Иван опять спустился к морю. Присел на сломанный лежак, оставшийся зимовать у самого края волнореза. Звуки. Привычно прислушался. В четком ритме морского

прибоя еле слышное: Вань-ка, Вань-ка.

Здравствуй, Леша! Видишь, я все-таки вернулся. Да, не скоро. Через тридцать восемь лет. Нет, не для того, чтобы вспомнить. Я не забывал. Любимую твою музыку. Юность. Разговоры. Надежду.

И греховные ночи под прогретым южным солнцем брезентом палатки тоже помню. Что это было? Похоть? Страсть? Глупость? Любовь? Тебе я все могу рассказать. Я для этого и вернулся. С чего начать? Конечно с нас. У меня больше никогда так не было. Ни с одной женщиной не было. И с мужчинами тоже не было так. А было их... Сначала каждый раз казалось – любовь! Потом... Давно перестал считать.

То лето осталось лучшим. Из-за тебя. Я все еще часто думаю о нем. И о тебе. Без тебя я стал бы другим. Не состоялся. Спасибо. Как ты тут? Ты же здесь? Я чувствую. Слышу твоё приветствие...

Кто-то присел рядом на лежак. Придвинулся близко. Павел, вчерашний, из домика:

– Я Вас узнал. Вы – Иван Кандидов, то есть Иван Сергеевич. Я слушал Ваши концерты. Вы – гениальный исполнитель.

– Преувеличиваешь. Ты кто?

– Учитель музыки из здешней школы. В прошлом году закончил училище.

– Сколько тебе?

– Двадцать один.

Белый пластиковый прямоугольник из глубокого кармана пальто. Плеер.

– Послушай, это тоже Шопен. Только запись неважная, очень старая.

Как интересно смотреть на его лицо. Не играет, но хоть слышит. Вся гамма чувств. Морщится. Не доволен качеством, шумом. Ничего, сейчас привыкнет. Удивление, испуг. Да, я тут тоже пугаюсь, силы, накала, страсти. Радость. Восторженные, счастливые глаза:

– Великолепно. Кто это? Я не узнал исполнение.

– Неважно. Уже неважно.

– Спасибо, что дали послушать. Я тоже хотел бы сыграть для Вас...

– Потом, позже. А сейчас уходи. Мне нужно побыть одному.

Вечер. Домик. Конечно, он пришел. Распахнутые на море окна. Плюшевые удобные кресла возле стены.

– У тебя приличный инструмент.

– Да, я долго искал такой.

Музыка из-под сильных пальцев. Слушать только не хочется. Мальчик, кого хочет удивить? Если бы знал, сколько такого слышал. Стандартного. Никакого. Без вкуса. Гадость.

Закат. Тогда тоже был закат. Только летний, яркий. Я вошел у костра. Ты толкнул меня в плечо. Пронизывающий как стрела взгляд, косая светлая челка. Решил искупаться.

По-моему, это был единственный раз, когда ты отправился в море один. Алешка, дорогой мой, скажи! Ты сделал это специально? Стыдился нас с тобой? Мы ведь тогда были так воспитаны. С чувством вины решительно за все. Или потому что уже знал, понимал, что лучше не будет никогда? Почему тогда не позвал и меня?

Запутался в камнях? Да, плавали мы с тобой не очень. Или просто решил стать музыкой у моря. Нет, не такой. Той, нашей музыкой. Теперь уже не узнать. Ты просто ушел, и никто больше не видел, даже твоего тела. А я все ждал. И сейчас тоже жду. Только не совсем понимаю, чего.

Отыграл. Знакомый вопросительный взгляд среди прядей волос.

Не удержался. Подушечками пальцев еле прикоснулся, по чисто выбритому подбородку. Кожа какая нежная, молодая:

– Совершенствуй. Играй. Пустишь меня?

– Конечно.

Я играю. Не для него. Тебе – «Затонувший собор» Дебюсси. Через тридцать восемь лет. Через мою жизнь. Любовь.

– Божественно! Я хочу учиться у Вас. Это мечта. Возьмите меня с собой.

– Куда? Ты решил учиться дальше?

– Да. Я пытался, но завалил вступительные экзамены этим летом.

– Нет. Не могу. Я не учу, играю. Только иногда консульти-

рую в консерватории. Сейчас середина семестра. И не только поэтому. Просто – нет.

– Я мог бы... Я слышал, Вы...

– Не нужно. Я знаю, как про меня говорят.

– Девушки считают, что я красивый.

– Это хорошо, что ты девушкам нравишься, позитивно.

Мне пора.

– А если бы я был Вашим знакомым? Сыном друга юности, например. Пристроили бы?

Если б он был твоим сыном, точно обошелся без меня. Надо уходить. Прочь из домика. Пустые надежды. Радужные мечты.

– Прошу Вас, подумайте еще.

– Я должен идти. Прощай.

– Оставайтесь, пожалуйста. Я прошу...

– Ты гей?

– Нет. Но я хочу так.

Слаб. Я слаб. Остался. Спальня в обоях с ромбиками. Широкая, тоже пахнувшая морем постель. Я первый мужчина здесь. У него. Павел. Зря он меня позвал. Не знает ничего обо мне. Он – призрак. Призрак из юности. Страсть, сладкая как виноград. Чужая молодость у щеки. Тело, плоть. Требовательные, жадные. Беру, пользуюсь, наслаждаюсь. Купаюсь в восторге. Будто понимаю, будто люблю. И только внешне похож – но не ты... Не ты.

Еще несколько дней. Каждый – вырванный, выпрошенный. Опять как промежуточный старт. Между прошлым и будущим. Который по счету? Алешка, что ты сделал? Как я жил без тебя? Зачем? Кого любил? И где осталась сыгранная тобой музыка? Почему ее никто так и не услышал? И уже не помнит никто. Кроме меня. Это несправедливо. Ты же очень талантливый. Был.

Улицы, знакомые еще сорок лет назад. Те же краски, запахи, только по-осеннему приглушены. Только без тебя. И еще каждый раз этот взгляд при встрече. Умоляющий. Знакомый. Павел. С ним тоже надо решить. Колоколом в ушах. Больше не могу так. Не хочу.

Опять закат. Осенний. Последние, уходящие, строгие лучи из серого моря. Белый пластик плеера между пальцев. Твоя музыка внутри. Лучше ты никогда уже не сыграешь. Никогда. Тебе уже не нужно. Помнишь наш старый магнитофон? Споры? Ноты на песке? Давай вместе вспомним, может, все-таки повторится? Я вернулся к тебе. Я приехал за этим. Я уже иду.

От самой кромки пляжа. Шаг. Ботинки заливают морская вода. Еще один, и еще. Намокшее пальто тянет вниз. Уже не холодно, не важно. Твоя музыка в наушниках. Музыка в душе. Звезды. Яркие, как тогда. Может ты тоже там? Я скоро узнаю. Я близко. Нога не чувствует дна. Точно, здесь обрыв, так было и тогда, когда мы... Все.

Холодно. Песок мокрый. Повсюду, даже во рту. Соленый. Плеск моря. Извилистые следы волн перед глазами. Не получилось. Но почему? Что не так сделал? Голос, давно забытый и шепотом, почти не слышно, легко, как дыхание: «Не надо. Живи. Играй».

Играй? Ты хочешь, чтобы я вернулся? Куда? Опять в огромную пустую квартиру, откуда все уже разлетелись? Да, я был не самым лучшим семьянином. Одному?

И мой Бехштейн в холле. Мой концертный белый рояль. Помнишь, мы о таком тогда только мечтали? Белый – это тоже о тебе. Не помнишь? Не отвечаешь. Не хочешь вспоминать. Со мной не хочешь. Значит, отпускаешь? Или прогоняешь? Прости меня, если сможешь. Хотя, наверное, это тоже для тебя давно не важно. Тебя нет. Давно. И все-таки прости.

Небо бледнеет. Ночь кончается. Надо встать. Пора уходить отсюда. Тут давно уже никого нет. И воспоминаний нет здесь. Они только там, внутри. О тебе, о твоей улыбке. О твоём взгляде. И главные, о твоей музыке. Я переполнен ими, еле тащу. Они останутся. Тоже еще поживут со мной. Во мне. Я стану храмом. Памятником тебе. Крестом.

Откинув в сторону мокрое тяжелое пальто, Иван с трудом поднялся. Светлеет. И звуки вокруг, ноты, такты, строчки. Так играл ты. Так могу сыграть я. Сейчас сыграть могу только я. Любимую твою музыку. Или сыграет кто-то еще. Пусть играет. Вытерплю.

Даже волны как-то изменили ритм. Теперь они плещут другое имя: Па-вел, Па-вел. И предательское воспоминание в подушечках пальцев о подбородке, о нежной коже, о нем самом. Я ухожу. Ушел.

И снова вечер. Как быстро здесь проходит время! Нельзя уехать, не разобравшись. Противно. В душе – противно. Опять домик с музыкой внутри. Неуверенная улыбка. Еще совсем незнакомое лицо. Павел.

– Пожалуйста, проходите.

– Завтра улетаю. В санаторий. Я не могу пристроить тебя сейчас. Ты пока не исполнитель, тебе только кажется, не умеешь. По крайней мере – пока. Извини. Я груб. Но ты должен знать.

Недоумение в глазах, обида, сжались в кулаки тонкие пальцы возле губ.

– Это мои координаты. Надумаешь – приезжай. Недели через две. Работу в школе найдем, с общежитием, тоже думаю, разберемся. Я буду рад помочь, откатать программу для экзамена. Я просто буду рад тебе. Решай.

Аэропорт, притулившийся в стороне от моря. Засветился давно отключенный мобильник. Новые графики концертов. Повезло, он еще успевает в санаторий. Сообщение из Аделаиды: «Перегрелся здесь. Хочу домой. Уже собираюсь». Петер возвращается. Приятно. Дома станет веселее.

Мягко заложило уши, аэробус набирает высоту. Темная морская вода внизу, под крылом. пляж. Берег памяти, моей юности. Благодарности и любви.

Чувства

В юности я любила читать чужие мысли. Сейчас этим увлекается мой сын. И у него тоже получается. Почему? Не знаю. У меня в семье все привыкли верить себе и никогда не ошибались. Может, такая случайная наследственность от прабабки-колдуньи. А возможно, еще какая-нибудь predisposition. Я никогда не задумывалась об этом всерьез. Главное, что так было в жизни всегда, скрытая ото всех, эмоциональная сторона моей души создавала свою, еще одну реальность, такую же живую, как и настоящая. И очень часто обе реальности пересекались, что-то, увиденное во снах или смутных грезах, вдруг реализовывалось в повседневной жизни. Причем, происходило это по-разному. Иногда все сбывалось напрямую, как обычная проекция из предчувствия в настоящее. Редко, но случалось и по-другому, так, что я и сама не могла разобраться, к чему были поданы знаки. И почти всегда интуиция указывала на какие-то встречи, новых людей в моей жизни. Но не буду забегать вперед, лучше расскажу обо всем по порядку.

Своего первого мужчину я почувствовала.

Он с друзьями обедал за соседним столиком кафе, недалеко от меня. Я смотрела на них и думала: вот сидят совсем незнакомые люди, но, не исключено, кто-то из них сыграет в моей жизни важную роль, интересно, который из трех? Так

оно все и получилось. Это была Любовь, по крайней мере, с моей стороны, но она давно прошла, канула, осталась только в воспоминаниях, да и от них мало что уже сохранилось.

Со своим мужем я познакомилась на пляже.

Он занимал лежак недалеко от меня и о чем-то беседовал с моей подругой. И вдруг опять что-то почувствовала. Почти тоже, что и тогда, в первый раз. Я даже села и начала оглядываться по сторонам, может, увижу кого-нибудь знакомого. Не увидела. Сосед же подруги мне решительно не понравился.

Это тоже была Любовь, только уже более зрелая, взаимная, со всеми свойственными настоящей Любви атрибутами. Но и она закончилась, правда, проходила медленно, не один год и не пять, мучительно. На память у меня остался сын.

Пятнадцать лет назад я встретила со своим любимым человеком.

Но сначала он мне приснился, а астролог в утренней передаче подтвердил, что в ту ночь я должна была увидеть вещий сон. И это – Любовь, которая длится и по сей день, но какая-то она уже затершаяся, изношенная. Наверное, тоже скоро закончится. Что ж, вероятно, это нормально. Не зря говорят, что люди встречаются только для того, чтобы когда-нибудь расстаться. Я готова с этим согласиться и принять все. Такая она, Любовь, непостоянная дама. Что уж тут поделаешь? Хочет – приходит, хочет – уходит. И не всегда поймешь, зачем и почему.

Конечно, были в жизни и другие встречи, без всяких предчувствий. Но заканчивались еще быстрее, и следов от них давно уже нет.

Но не обо всех своих сбывшихся предчувствиях я еще рассказала, а только о тех, что сбывались сразу, и так, как чувствовалось. Но, оказывается, в жизни не так все просто, и не всегда мы сами можем разобраться в тех символах, которые нам являются.

Лет десять назад я нашла новую работу, очень удобную и выгодную. Коллектив там только еще формировался, все время появлялись новые люди. Офис у нас был крошечный, и мой стол располагался недалеко от генерального директора.

Шло собеседование. Очередной соискатель зачитывал свое резюме. До меня случайно донеслось, что родились мы в один день, только года были разные, Он оказался значительно старше. И тут опять накатило. То самое предчувствие, только в разы сильнее, чем прежде. Мне даже стало ощутимо плохо. Я вышла из офиса покурить на лавочке под окошком.

Нет! Ничего не надо, у меня все есть. И потрясений больше не хочу и не допущу! Бог с ними, с предчувствиями, почему они обязательно должны исполняться? А если должны? Может, уволиться, не экспериментировать? Да, а где еще себе такую работу найду? Ничего хорошего, как известно, просто так не получишь. Нет, решено, ничего не будет, и это точ-

но! Предчувствия – предчувствиями, но живу я сама. Обещаю, эта пуля пролетит мимо. К тому же, Его еще и на работу не приняли, есть и другие желающие.

Понятно, согласно всяким несправедливым законам жизни, работать у нас в офисе стал именно Он. Лично я в таком исходе совсем не сомневалась.

Серезка оказался отличным коллегой. Не только привлекательным внешне, но и компанейским, легким в общении, душевным. И, на радость всех женщин офиса – законно свободным. Кстати, его должностные обязанности подразумевали и приносили более чем очень весомую добавку к и так немаленькой зарплате. Короче, можно сказать – не мужчина, а заветная мечта любой женщины. И работал он хорошо, легко справляясь со всеми, даже самыми сложными, задачами.

Одно было только в Сергее непонятно – его английский язык. Все переговоры у нас на работе, а часто и просто разговоры, велись, в основном, на этом языке, и от всех сотрудников требовался достаточно высокий уровень. Серезка говорил легко, стремительно, но был у него какой-то такой акцент, да и грамматика, что никто в нашем офисе не мог определить, где и как он этого набрался. Только много позже я поняла, что это был настоящий колониальный английский.

Мы оказались безумно похожи. Оба носили только серебряные украшения, ели одинаковую еду, смотрели одни и те же фильмы. Даже пословицы и поговорки использовали вместе и частенько случайно у нас оказывались одинако-

вые парные духи. Один мог начать фразу, а второй легко закончить именно так, как и собирался первый. По лицам могли определить то, что пытались скрыть или не договорить. Уже при входе в офис сразу видели настроение, самочувствие и самоощущение друг друга. Причем, эти чувства были обоюдны и никакому контролю разумом не поддавались. Все происходило как-то само собой и от нас не зависело. Оба ощущали совсем необъяснимое родство, казалось, что происходим из одной семьи, хотя реальных оснований для этого не было. Еще в первые дни знакомства мы перетрясли наши генеалогические древа на предмет обретения случайных родственников.

Несомненно, впечатления от такого общения, какого-то другого, нового уровня, оказались очень приятными. И у меня, и у Сергея никогда не было ни сестры, ни брата. Обрести свою собственную тень, да еще и живую, да другого пола – в этом было что-то поистине чудесное. Те часы на работе, которые мы проводили вместе, превращались в праздник. Тем более что этих часов было не так уж много. Работа в нашем офисе кипела круглосуточно и была организована сменами, для всех разными. С Сергеем я работала подряд две свои суточные смены из четырех. А всего на работу выходила только десять раз в месяц. Зато каждый из нас с удовольствием ждал этих совместных смен, считая до них часы. Иногда они приходились на выходные или праздничные дни. Тогда в офисе почти никого не было, и работа превращалась уже

совсем в полное удовольствие, за которое не только стыдно было деньги получать, но хотелось еще и приплатить. Мы разговаривали сутки напролет, все больше поражаясь общности взглядов решительно на все.

Часто по выходным компанию нам составляла Сергеева гитара, под которую вместе распевали любимые наши песни, например, про палубу, что пахнет клевером. Но была песня, которую Сергей всегда пел один, да и не слышала я никогда раньше такого:

*Вижу в небе черную черту
Мой Фантом теряет высоту.
Видел я, как Эдвард сбоку
Полетел на встречу с Богом,
Вижу 017 на борту.
Мой Фантом не слушает руля
С ревом приближается земля...*

И что-то было в его глазах такое, только его собственное, интимное, что лишних вопросов задавать не хотелось.

Совместная любовь к музыке однажды чуть не довела нас до беды. Как-то в воскресенье мы сбежали с работы, бросив офис практически на посторонних людей, чтобы посмотреть единственное шоу в Москве нашего любимого музыканта.

Конечно, такое дружное единение не могло остаться незамеченным остальными. Особенно потому, что мы раздражали всех своим общим днем рождения. Вместо двух накрытых

столов получался только один. Злые языки за спиной быстро связали нас в пару. Но они ошибались. Я оставалась преданной своим обещаниям и твердо продолжала соблюдать их и дальше. Да и не совсем свободны мы были. У меня – мой любимый человек, у Сергея – его девушка, потом другая, третья... Нет, конечно, для чего-то серьезного все это препятствием не стало бы. Но против всего важного, могущего нарушить отлаженное годами существование, я была настроена решительно. А Сергей, со свойственным мужчинам легкомыслием, только мечтал о чем-то сверхсерьезном, а на деле довольствовался более чем легким. Кому же, как не мне, это было ясней ясного, если мы друг друга так понимали.

Одной из Сергеевых девушек стала моя подруга, той самой, то ли второй, то ли третьей. Они прожили вместе полгода. Когда подруга чего-нибудь не понимала, то звонила мне:

– Слушай, почему он стал все время молчать, даже на вопросы не отвечает?

– Если молчит, значит, что-то так не нравится, что уже и сказать нечего, даже спорить и обсуждать не хочет и не может, не видит смысла, не согласен. Во всех остальных случаях поговорить мы любим.

– Скажи, а тебе ничего не кажется в Сергее странным? Зачем ему такая хорошая физическая форма, почему он ей постоянно занимается, еще эта его песня про Фантом... Может, он киллером на досуге подрабатывает?

А вот на эти вопросы ответа у меня не было. Я сама чувствовала в Сережке что-то такое, во что при всей нашей общности никак не могла проникнуть. Тем более, та история с браслетом. Руку Сергея всегда плотно облегал странный браслет. Однажды я обнаружила его у себя на столе. Он был порван посередине, видимо, упал, и на нем, удивительно, не была предусмотрена застежка. Вся его внутренняя сторона была исписана крохотными латинскими буквами. Я успела заметить только столбик московских телефонов и чьи-то имена. Сергей просто вырвал у меня свой браслет. Уже к обеду он опять красовался на его руке.

Когда они расстались, подруга высказала для меня свои мысли:

– Мне кажется, такое совпадение по всем параметрам с другим человеком встречается в жизни крайне редко. Вам обязательно надо быть вместе, раз вы так похожи, это и будет счастье. Твой же друг совсем не похож на тебя, скорее, он – такой как я...

Мне ее слова не показались разумными, поэтому я ответила, как думала:

– Ты не понимаешь, когда люди так похожи, они специально закладывают в отношения некоторую дистанцию, без этого невозможно. Рядом быстро станет тесно и скучно. Тем более что и все недостатки автоматически умножаются на два.

Мы же продолжали дружить. Часто утром закончив работу, завтракали у меня или у него дома, потому что так резко

расстаться просто не могли. Иногда стали встречаться и в наши свободные дни.

Ревность моего любимого и Сергеевых девушек стала тогда привычным чувством нашей жизни. Я не знаю, как объяснялся со своими подружками Сергей, но мой друг, человек серьезный и тонкий, просто предпочел поставить на любых претензиях точку, видимо сам не уверенный в том, что доведись до дела, выберут его. Что уж грехи сейчас таить, основания для ревности, конечно, были. Как-то мы с Сергеем где-то выпили, еле-еле добрались до его дома, было холодно... И в этом оказались похожи. Но такое случилось только однажды. Мы оба испугались и постарались как можно быстрее вернуться на заданную нами самими дистанцию.

Мы называли наши отношения Дружкой, и очень любили порассуждать, что дружба – сильнее и важнее любви. Хотя бы потому, что для дружки, как для танго, нужны двое, никто еще никогда о неразделенной дружбе не слышал. Такого просто не бывает.

В том офисе я проработала около трех лет. Сергей – года на два больше. Конечно, потом наши встречи стали более редкими, но они продолжают и сейчас. Однажды мы даже отдохнули вдвоем с моей другой подружкой пару недель вместе. И эта моя подруга влюбилась в Сергея, и тоже они какое-то недолгое время провели вместе. И опять потом я получила развернутый комментарий к нашим отношениям, мало чем отличившийся от предыдущего.

За десять лет у Сергея сменилась целая вереница женщин. Он – такой, что вступая в новые отношения, каждый раз верит, что это теперь точно навсегда, и умеет убедить в этом своих спутниц. Мне-то, конечно, очевидно, что по натуре он такой же одинокий независимый странник, как и я, а остальное – только его иллюзии. Но пусть пробует, может, ошибаюсь, и у него что-нибудь получится. В жизни обязательно надо во что-то верить.

Мне давно уже известно и то, что тогда, в самом начале, вызывало вопросы. Сергей родился в Индии, потом жил в Египте и других, как тогда называли, «третьих» странах, его родители были инженерами-строителями. А по молодости, повинаясь желанию приключений, стал «диким гусем», наемником. И первым в его той биографии был Вьетнам, самое окончание ужасной войны, где он готовил к полетам самолеты. Сейчас он свой браслет воина носит просто как память и иногда шутит, что за последние сто лет единственная горячая точка, где не побывал – Чечня, старый уже стал. Можно только пытаться представить, что скрывается за этой шуткой. Поэтому еще мне особенно хочется, чтобы у Сергея все дела всегда получались.

Сейчас у него все хорошо. С теперешней подругой они вместе уже пару лет, и даже что-то пообещали друг другу в церкви. Мы часто перезваниваемся, занимая телефонные провода часами, иногда ходим друг к другу в гости, не особенно часто. Каждый из нас твердо знает, что если появилась

какая-то проблема, с ней можно обратиться к тому, кто совершенно точно найдет такие решения, с которыми обязательно можно будет согласиться. Один раз в год, в наш общий день рождения мы поздравляем друг друга отовсюду, где бы ни находились, это давно уже – святое.

И сегодня, можно сказать, сидя у еле тлеющего костра очередной проходящей Любви, я иногда задаю себе вопрос. Так что же я почувствовала тогда, десять лет назад? О чем сигналила моя хваленая интуиция? Что за предчувствие это было? Предчувствие Дружбы? Что, и такое бывает? Или не бывает, и мы просто вместе прошагали мимо чего-то важного? Не заметили, не остановились? Я так не думаю.

Что может быть важнее, чем такие отношения, такое Взаимопонимание, когда два человека действительно думают, чувствуют, поступают, как один, и не после долгого совместного обитания бок о бок, а вот так, сразу и автономно. Нужно ли для всего искать слова? Так ли ценно то, что уже имеет названия? Может, нам повезло больше всех, и мы узнали, что такое Счастье?

Я не знаю, что это, как оно называется, но очень ценю это Чувство. Оно – прекрасно, взаимно и, надеюсь, непреходяще.

– Алло?

– Здравствуй, дорогая! Ты где?

– В Даболиме, в аэропорту, скоро самолет, летим домой.

А ты, Сережка?

– В Москве, в Шереметьево, собираемся на Малаге справлять. С днем рождения тебя, пусть всем делам сопутствует удача.

– Спасибо. И тебя с днем рождения. А твои следующие столько же лет пусть будут еще лучше, чем предыдущие. Когда тебя ждать?

– Через две недели. Тогда и увидимся.

– Конечно. Хорошего тебе отдыха.

– А тебе счастливо вернуться. Пока.

– До встречи.

Лирика

*Можно многое начать, многое закончить
Можно выйти погулять и вернуться к ночи
Или что-то там еще, если есть идея
Делай все пока живой, делай поскорее. **

Сколько мне осталось? День? Неделю? Не больше. Не важно. Днем раньше, днем позже – какая теперь разница? Говорят, в такой ситуации принято вспоминать. Вот я и вспоминаю. Лежу в этой забытой богом больнице, на этой ржавой старой койке, где, наверное, уже десятки на тот свет отошли до меня, под драным, грязным одеялом, и вспоминаю. Хорошо, есть, что вспоминать. Почти пятьдесят три года старался. Жить. Жаль, дневника раньше не сообразил вести. О времени, как говорится, и о себе. Да я и есть время. Время, проведенное мной со всеми вами, жаль только закончился я быстро.

Вот интересно, придется мне с апостолом Петром при входе объясняться, или сразу по другому адресу сошлют? Мне бабушка, еще когда мелкий был, объяснила, что кто хорошо проживет – тому вот к Святому Петру. А того, кто плохо, ждут, где

*...нет раздумий, кто и сколько
Баланс всегда на высоте*

*Нам без усилий подсчитают
Когда, кому, за что и где.*

А что я такого, собственно, сделал? Ну да, сидел, так это когда было? Еще в самом начале восьмидесятых, древних, да и то по собственной дурости, малолетству. Джинсы за доллары у Интуриста хотел купить, чтобы перед девушками пощеголять. Знаете ж, как тогда к валюте относились, точнее к тем, у кого она была. Доллары, понятно, нафарцевал на это, ну так тогда все так делали. Кто ж знал, что в тот день менты по задержаниям еще план не выполнили? Засели в засаде, а этого, под иностранца, погулять с конфискованными штанами выпустили. Да и так бы все обошлось. Без долларов, конечно, остался б, но ночевал дома. Только я тогда горячий еще был, потом-то жизнь, понятно, обломала крылышки. Короче, засветил я этому «иностранцу» с ноги в печень, а он хоть и в гражданке был, но все ж мне не простил непочтения-то. Ну да ладно, чего теперь вспоминать. Я когда вышел, мы те доллары с корешами пачками в Интуристе разбрасывали, прикуривали от них, на лоб официантам клеили за похрюкать. А ментам, и вовсе, под ноги бросали, чтобы глянуть, как они кверху жопой в мундирах ползать будут. Спасибо им, тем, кто меня в зону за дурость сплавил. Я там такие университеты прошел, академиком сразу стал. Мы бабло в начале девяностых просто из воздуха доставали, такое к нам недоделанное тогда наше государство щедрым оказа-

лось. Только ленивые не успели покуражиться-то вдоволь.

Одно плохо, тогда казалось, что так всегда будет, феерично, всю жизнь. Ан нет, просрались мы со своими расчетами, не срослось. На всех надолго не хватило. А я еще жениться тогда умудрился, сразу после отсидки, тяжело ж мужику без бабы. Ну да, на Ленке, мы с ней еще в школе по темным углам обжимались. В девяносто четвертом, когда я с ней разводился, у нас уже двое было: девочка и мальчик, большеенькие уже. Прямо классика. Ленка, она ж ведь как: к повару привыкла, горничной, квартирке в двести квадратов, с видом на Александровский Сад. Ух и выла она, когда у меня дом в Жаворонках, со всем добром и полным гаражом, за долги отбирали. Квартирку-то я ту, полюбившуюся, ей, конечно, оставил, сам съехал. Только она как скумекала? Верила ж в свою неотразимость, пока ее комплиментами за мой счет пичкали, ну и решила, что ща к ней очередь выстроится замуж брать, с моими-то довесками. Ну так и обломалась она. Тогда ж ведь всем плохо резко стало, не мне одному. Добро спасать надо было, кто мог, а не о гулянках под луной думать. Так и покатилося оно, ушла она, моя квартирка, на жизнь, ее и детей. Да и я сам тогда уже в коммуналке обитал, не много чем помочь мог, так, по чуть-чуть.

Ленка-то, она, когда совсем уж плохо стало, нянькой пошла работать, к каким-то, что нас вот раскулачивали, новым и резвым. Они на Рублевке домик тогда себе нехилый забабахали. Ленка туда, к ним, каждый день таскалась, чтобы

денюжку для наших с ней ребятишек заработать. Так где-то в девяносто шестом, по-моему, хозяева ее попросили попозже с детьми посидеть, дела у них, видать, какие-то важные были. А потом хозяин ее в Москву, уже ночью, повез. На следующий день суббота была, так Ленка к детям своим и спешила. Расстреляли их джип на дороге. Кто, почему, неизвестно. Может, хозяин где оступился, не тому, кому надо, жопу подтер, а может и так просто, отвязные на шоссе баловались. Тогда ведь всякое могло случиться, времена такие были, сложные. Хозяйка Ленкина потом, я слышал, по той же дорожке с детьми прошла, что и все тогда, как Ленка моя... Тогда ж никто ни за кого не вступался, пропадали люди ни за что, наверное и долго никто не мог наверху удержаться, тем более баба одна, без мужика.

Я-то тогда, вроде как, и не очень переживал. Не до этого мне было. Детишками нашими бабки занялись, не пропали. Я если где чего куснуть удавалось, сразу им тащил, разбирались как-то, жили. Только заметил вдруг за собой – в церковь стал иногда заходить. Зайду и стою. Как, чего делать – не знаю, и спросить боязно. Постою так минут пять и пойду себе. И стихи вот тогда писать начал. Неуклюжие только. Но это ничего. Я их ведь только себе и читаю:

*Слабый мстить готов – сильный против
Затемнение – как наркотик
Неотвязчивый держит крепко
Поражение – незаметно*

*Кто по жизни мудр – тот увидит
Сильный слабого не обидит
Не отстанет тот кто слабее
В нем навязчивость посильнее.*

У меня у самого в тот момент было – хуже некуда. В третий раз все, что построить пытался – прахом пошло. Я уже не в коммуналке, в каком-то вовсе бараке жил, на совсем окраинах. Макароны только и жрал, в заначке, правда, две-сти долларов лежало, но это вовсе уж распоследние были, на самый черный день.

Делать-то мне тогда особо нечего было, в основном дома сидел, от очередных кредиторов прятался. Ну так только, иногда тетке в соседней палатке ящики грузить помогал, чтоб на макароны себе спроворить. И пристрастился я тогда к бегу трусцой, джоггингу, как капиталисты зажратые называют. Чтоб совсем, значит, от тоски в четырех стенах не сдохнуть. А у соседей моих, пьяниц, в бараке этом, шавка была, такая рыженькая, они ее на какой-то помойке подобрали, непонятно только зачем, собаки ж не пьют, а жрать они и сами часто забывали. Сейчас уж и не помню, как ее, собачку эту, звали. Только полюбили мы с ней вместе трусцой-то. Вдвоем оно все веселее. Пару месяцев вместе бегали. А потом шавка эта под трамвай попала, вечером, когда с родным хозяином гуляла. Хорошо я вовремя за окном услышал визг знакомый, выскочил. Хозяин ее там, на рельсах, так и бросить хотел. Ветеринар сказал, операция нужна,

срочная, платная, дорогая, двести долларов...

Я так подумал-подумал, ну что такое те двести долларов, все равно – на всю жизнь не хватит. Я еще лет восемь назад столько на чай в кабаках за раз кидал. А тут – какой-никакой друг, хоть и четвероногий. Выходили мы с доктором собачку. Может, и сейчас еще бегает. А если уже нет – так хоть она за меня перед Петром проголосует, если доберусь я, конечно, еще туда. Потому что, потом у меня такая жизнь началась, что голосовать за меня там вряд ли кому захочется.

После того случая, с собачкой, как-то все утрясаться у меня началось. Нашел меня один друган, я ж говорю, те университеты, они, ох, какие полезные. Он вроде уже при деле был. Фирма у него небольшая, паркетом занимался. Вдвоем, с моим-то опытом, у нас все вообще хорошо раскрутилось. Ну не так, чтобы дворцы строить, но на водочку непаленую под селедочку хватало. Однокомнатной квартиркой тоже, лет через пять разжился. Только как оно все слегка устаканилось, потянуло меня куда-то не туда.

В те времена к нам уже травка всякая потекла, таблеточки, диски, колесики, то есть. Как же не испробовать было, чтобы от времени не отстать. Ничего так, пошло по-маленьку, веселей на мир смотрится.

Тут вот еще, какая проблема подоспела. Стал я за собой замечать, мужик-то из меня уже не тот стал. Кризис, среднего возраста, так сказать, от мытарств, наверное, за жизнь принятых. Мой друган, тот, с кем мы паркетом, еще раньше

от такой напасти страдать принялся, жизнь у него до этого тоже, так сказать, изменчивая, была. Испугался я по началу – жуть. Молодой же мужик пока, и внешне, вроде, справный. Бабешки привечают еще, сами, можно сказать, за шею цепляются. А я – нет, не могу – хоть плачь! И виагра там со всеми прочими разворотами – только так, хоть обожрись.

Ехали мы как-то с моим поделыщиком по Каширке, на дом его новый смотреть, он тогда его только заканчивал строить, глядь, девки на трассе стоят, шалавы малолетние, лет по тринадцать. Кореш мне: ну что, возьмем, бока погреть, а то в доме холодно? Я говорю, ты чо, они ж мелкие совсем, дети почитай. А он смеется: мелкие говоришь, да у них мужичья было, мы с тобой вдвоем столько баб за всю жизнь не отымали, они ж здесь, на трассе, почитай, и родились. Смотри, сейчас двадцать баксов покажу – очередь выстроится, а то можно и всех, оптом снять, они только рады будут, на молочишко-то заработать.

Всех мы тогда, конечно, не стали брать, но парочку прихватили. И что-то такое со мной сделалось – сам не знаю. Я в ту ночь опять мужиком стал, молодым, уверенным, как заново родился. А кореш мой только похахатывает. Что, говорит, нашел себе лекарство? Я тебе давно рецепт выписать хотел, стеснялся только. В общем, с тех пор, стали мы на трассы частенько заглядывать. Всякое, конечно случалось. Клофелинчиком не раз угощали, обносили опять-же. Но мы особо не в обиде и были. Нормалек, главное, ничего ценного

дома на виду не держать, а так ничего, еще заработаем, где наша не пропадала. Только потом стал я за собой замечать, что тринадцать – это как-то много для меня уже смотреться стало. Начали мы уже одиннадцатилетних искать, иногда даже девятилетние находились. Только вот лишней грязи точно не надо. Все это профи с трасс были, среди них даже ни одной целки ни разу мне не попало, хотя другие любители говорили, случалось. По школам и детским садам я не ма- ньячил, это точно.

Вообще те годы ничего, спокойные были. Дети мои прав- да, выросли уже тогда, и как-то совсем отошли. Ну да я не в претензии. Понимаю. Мало чего они от меня хорошего видели-то. Пусть свою жизнь строят, радуются, дай бог им.

*Растить обиду – сад плохой,
Сорняк там выше злака
И сердца лучик золотой
Не выпорхнет из мрака.*

Жил в общем, как мог. Полгода назад решил вот в Еги- пет скатать, от паркета отдохнуть, кости в соленой водичке отмочить. Сначала все хорошо получилось. Отель такой на- вороченный, целых пять звезд, жратвы – горы, выпивки – залейся. Ну и начал я заливаться. Дня три по пьянствовал, надое- ло, скучно стало, на покруче развлечения потянуло. Я, понятно, из дома ничего не взял. Не хватало еще, чтоб на та- можне не по делу хлопнули. Стал я справки наводить. Во-

круг отеля – только чепуха, я от такого еще пару лет назад отстал. Все в одну дуду вместе – у бедуинов, в пустыне – все есть.

Взял я, короче, квадроцикл в прокат, и сам, один, без всякого там организованного мотосафари, в пустыню подался. Да, не очень конечно, трезвый, был, на подвиги круто потянуло. Ехал я, ехал, приехал куда-то, по-моему, туда ж, куда всех туристов возят, а может, еще куда, я не шибко-то и разобрался. Палатки какие-то драные стоят, навесы, верблюды гуляют, козлы, дети. А девчушки-то у них тоже ничего, красотки большеглазенькие. Ко мне мужики их какие-то подошли, под навесом усадили как барина, чайку в чашечку плеснули, чего-то спрашивают. Я им чего смог тоже объяснил: грасс, драгс. Помню, они мне еще кальян заряжать принялись. Больше – ничего не помню. Совсем. Очнулся я тогда на лавке в Хургаде, в обносках каких-то чужих, вонючих, понятно, без копы в кошельке, да и без самого кошелька. Эх, надеюсь, может, развлекли меня там славно, денежки-то у меня с собой были.

Хорошо, название отеля вспомнил. Оказывается, меня там три недели не было. Одна радость, что в сейфе гостиницы мои документы уцелели. Из Египта меня, понятное дело, выгнали, депортировали, чтоб еще три года туда соваться не мог. Ну, да и не больно-то хотелось. Хватит, погулял уж.

Ну так вот, через пару месяцев я начал за собой замечать что-то не то совсем. Вроде то познабливает, то, наоборот

жарко так, что хоть все с себя сними. Температурит. Я сначала внимания-то не обратил, думал, простыл где. А неделю назад так прихватило, на улице свалился, так вот здесь по Скорой и оказался. Когда оклемался, врачи приговорчик и зачитали. Инфекция, говорят, неопознанная в крови, заражение какое-то, уже по всему моему многострадальному организму распространилось. Стопудняк, я это в Египте цепанул. Вены-то у меня тогда все в дырках были. Еще за это и депортировали. Небось, черте-что вводил. Жаль не помню ничего, круто наверняка было.

Кореш приходил, конечно, в больничку получше предлагал двинуть. А оно мне надо? С помпой загибаться? Мне и тут не гнило. Детки вот тоже навещали. Все-таки молодцом они у меня, соответствуют. Ничего. Теперь уже недолго осталось. Всем меня навещать. Я, в принципе, готов. Вон, дверь открывается. Кто-то еще прется. Сейчас посмотрим. Или сестричка идет укол делать?

Ленка, ты что ль? Откуда? Что стоишь, как не родная? Давай, проходи, седай. Не ждал. Ленка, а ты за меня голоснешь? Одной собачки ведь мало, наверняка, будет. Ладно, не парься. Садись, говорю. Давай я тебе стихи почитаю, свои:

*Нисходит благодать волнами
На душу нежную мою
То вдруг бушующую как цунами,
То тихо песенки пою
В земной, небесной круговерти*

*Никак не удержаться мне
То я на волосок от смерти
То как собака при луне
Завою, закричу, заплачу
Хотя причин особых нет
Ужель не может быть иначе
И на семь бед один ответ.*

*Все стихи Сорокина О. А.

Не только про любовь

Эта история произошла давно, в самом начале восьмидесятых, еще до перестройки, гласности, капитализма. Или не происходила вовсе. Главное, что она уже не может случиться сегодня. Пусть это будет просто сказка.

Родом Ольга была из маленького провинциального городка на берегу Азовского моря. Ее мама с папой работали на небольшом местном заводе по переработке рыбы. Еще у нее был младший братишка и старенькая бабушка, папина мама, которая жила в Москве. Девочка росла красавица, отличница, болтушка и хохотушка, любимая дочка и внучка. Шли годы. Наступила последняя школьная весна, впереди остались только экзамены на аттестат.

Как-то вечером, когда девушка вернулась с рыбалки в обществе одноклассников, теперь уже совсем скоро, бывших, она застала родителей в тревоге.

– Присядь, доча, поговорим, – сказал отец.

Оля опустилась в кресло на террасе.

– Что-то случилось?

– Да нет, не волнуйся, ничего пока. Бабушка вот письмо прислала, неважно себя чувствует, да и возраст у нее уже... Мы тут с матерью посоветовались, давай, поступать в институт будешь в Москве.

– Но я же хотела в Краснодар?

– Бабушку страшно без присмотра-то оставить, а к нам переехать ну никак уговорить не можем. И потом, знаешь, московская квартира...

Напомним, что дело происходило в конце семидесятых. В те времена вся жилплощадь принадлежала государству и по наследству не передавалась. Был только один способ не потерять давно уже ставшее своим жильем после смерти родственников, кому-нибудь еще там прописаться.

Так Оля оказалась в суровом каменном городе, полном людей и машин. И тут ей неожиданно очень повезло. То ли сказались усилия неплохих учителей, которых в маленьких городах всегда все уважали, и они тоже старались соответствовать, обучая детей спокойно и грамотно. А может быть, это просто была Судьба, Рок, Фатум, которые в какой-то момент переламывают всю жизнь человека, и запускают ее по новой колее. Только совершенно неожиданно незаметная девочка из далекого городка поступила в институт, на который и мало кто из москвичей пытался замахнуться. Это был Институт иностранных языков имени Мориса Тереза. Счастье в семье было безграничное. От бабушки Оля получила огромный пирог с капустой и старинные бриллиантовые серьги, принадлежавшие еще ее прабабке.

В институте все тоже сложилось сразу и просто замечательно. Потекли студенческие будни. Учеба давалась легко, с однокурсниками было весело и интересно. Характер у де-

вочки был легкий и дружелюбный, так что ее с радостью принимали в любой компании.

Но в прежние, брежневские времена, случайные люди в таких местах не учились, а если у кого-то что-то и получалось, то за все рано или поздно приходилось расплачиваться, только теперь уже не деньгами. Все престижные ВУЗы Москвы, хоть отчасти имеющие отношения к международным делам, иностранным гражданам, или готовящие специалистов со знанием языков: МГУ, МГИМО, УДН, иняз, находились под пристальным вниманием некой могущественной государственной структуры, занимающейся политической безопасностью страны. Ей тоже нужны были молодые мозги и свежие силы, и не только выученные в своих специальных, закрытых заведениях, но и среди обычных сначала студентов, а потом и специалистов.

Конечно, просить о чем-то детей высокопоставленных родителей, которые составляли большинство в этих престижных вузах, или тем более приказывать им, было трудно, это означало получить стопроцентный отказ, или даже оскорбление, а то могло произойти и что похуже, если в дело вмешивались любящие родители. Поэтому со всякими предложениями, от которых практически невозможно было в те времена отказаться, обращались как раз к таким случайным студентам и студенткам, какой была Оля. Многие из них сами искали сотрудничества с этой серьезной структурой, так как это гарантировало в дальнейшем хлебное место работы

и возможность успешного карьерного роста.

В общем, наступил когда-то такой момент и для нашей девочки. И, конечно, она тоже согласилась, от всей души надеясь, что от нее ничего не потребуется, и о ней скоро забудут, поскольку никаких секретов она не знала и узнавать не собиралась.

Сначала все шло именно так, как она рассчитывала. Оля спокойно окончила институт и устроилась в бюро технических переводов одного предприятия. С бабушкой они жили душа в душу, город уже стал практически родным, работа нравилась, завелись достойные поклонники – все, по меркам того времени, складывалось вполне успешно, и девушка попыталась навсегда забыть о неприятной встрече, во время которой ей пришлось подписать кое-какие документы. Так прошло чуть больше года.

Но многие уже знают из собственного опыта, Судьба придет, и за печкой найдет. Однажды вечером дома раздался телефонный звонок. Ее попросили с утра зайти на прием в небезызвестное учреждение, находящееся в самом центре Москвы. Там встретила пожилая женщина в гражданской одежде, на столе которой лежала прозрачная папка с тем самым документом.

– Вы должны немного помочь нам, – сказала она, – посмотрите на фотографии. Этот человек француз. Через пару дней он придет в Москву. Наша организация хотела бы знать о нем как можно больше. Вы должны случайно позна-

комиться с ним, заинтересовать собой, и постараться узнать как можно больше о его работе и планах на будущее. Обо всем будете докладывать мне лично.

– Почему Вы считаете, что ему будет интересно со мной? А если ничего не получится, и я Вам завалю все дело?

– Очень постарайтесь, чтобы такого не произошло. Это будет неприятно, прежде всего, для Вас. Знакомство мы поможем организовать. Иностранцам здесь, вдали от дома, в чужой культуре, очень тоскливо. Поэтому они с радостью пользуются любым случаем поговорить на родном языке. Тем более что Вы – очаровательная молодая женщина, которая окажет честь любому мужчине.

Отказать, как всегда, было невозможно, хотя подобная перспектива знакомства неизвестно с кем и вынюхивания каких-то тайн, Ольге совсем не понравилась. Но об ее отношении к заданию никто не спрашивал. Знакомство состоялось. Француз оказался обворожительным мужчиной. А, может, так казалось, потому что до этого девушке такие люди на ее пути не попадались.

Ее существование резко изменилось, она попала в сказку о Золушке, только сразу в ее вторую часть. Жизнь превратилась в сплошной праздник, на котором с ней рядом постоянно был Принц. Всегда наглаженный, пахнущий дорогим табаком и парфюмом, он приглашал ее на самые дефицитные премьеры и концерты, куда обычным смертным путь был заказан, водил по дорогим ресторанам и валютным ба-

рам, дарил необыкновенные подарки. Она как будто окунулась в другой мир: легкий, праздничный, никогда до сих пор недоступный. Мешали жить только регулярные отчеты, которые она должна была составлять для своего учреждения.

Они встречались уже три месяца, когда однажды Ольга поняла, что влюбилась. Нет, не просто влюбилась, как она влюблялась в школе и институте в мальчишек, сидящих за соседней партой, что она любит этого чужого и не совсем понятного человека, как писали в старинных романах: сильно, трепетно, нежно, что готова отдать за него все, в том числе и собственную жизнь. И еще у нее появилось какое-то новое, странное чувство, никогда не испытанное ранее. Ей казалось, что то, что происходит с ней, очень важно, что она стоит на каком-то перекрестке. Если что-то сделает неправильно, никогда уже в ее жизни не будет больше такого полного, гармоничного ощущения, когда все тело, вместе с эмоциями и чувствами, составляет единый, совершенный музыкальный инструмент, улавливающий органичные ритмы самой природы. И все это открыл для нее он, ее Принц, такой одновременно загадочный и близкий.

И самое главное, похоже было, что ее чувство взаимно. Ее друг тоже очень изменился за время их знакомства. Он становился все мягче, теплее, понятнее. Она не могла ошибаться, она чувствовала это всей кожей, всей настроенной на него душой.

Но было еще и дело. Все также она каждый понедельник

приходила с отчетами в известное место, где ее всегда встречала все та же женщина. Девушка стала кое-что пропускать в своих докладах, в ее записках теперь было гораздо меньше информации и все больше белых пятен.

Наконец наступил самый счастливый день в жизни. Ее друг предложил выйти за него замуж, уехать после окончания его работы к нему на родину, обещал показать ей разные страны, познакомить с новыми интересными людьми. Провинциальная девочка из маленького городка, наконец, вытатила свой счастливый билет. Но надо было решить еще одну небольшую проблему. И она сделала это так, как ей подсказало сердце.

Однажды, ужиная в столовой прекрасно обставленной квартиры, которую французская фирма снимала для своего работника в самом центре Москвы, молодая женщина, наконец, решилась и, расплакавшись, поведала своему жениху все о цели их знакомства. В ответ он внезапно перешел на отличный русский язык.

— Извини, на самом деле я русский, и тоже работаю в том учреждении. Это была проверка для тебя. Ты ее не выдержала. Через неделю я бы сам все рассказал тебе. Для нас с тобой была запланирована определенная работа в одной из стран Африки, где мы должны были представляться как супружеская пара. Теперь все. Ты больше не нужна нам. На твое место мы найдем другого человека. Все твои обязательства перед нашей организацией закончены. Мы не имеем к тебе ни-

каких претензий, даже поможем получить следующую должность там, где ты сейчас работаешь. Но мы с тобой больше не увидимся. Прощай.

Действительно, совсем скоро она получила должность заведующей отделом в своем бюро.

Минуло почти тридцать лет. Ольга – успешная, обеспеченная женщина, владеющая процветающей фирмой. Всегда ухожена, все еще ослепительно хороша, моложава, никто не дает ей ее возраста, обожает общаться со своими племянниками. Женщина повидала почти весь мир и знакома со многими замечательными и интересными людьми. Ольга почти счастлива. Уже пятнадцать лет она живет вдвоем с подругой, когда-то они вместе построили свой бизнес на пустом месте. У них прекрасная квартира, дорогие машины и роскошный особняк в ближайшем Подмосковье. Но даже собаки и кошки в их доме женского пола. Иногда Ольга слышит за спиной: «Стерва!» А еще чаще другое, еще более оскорбительное слово. Оскорбительное – для других, но не для нее. Она не оборачивается. Ей давно уже все равно.

Подарок на будущее

- Крестный, ну что, расскажем?
- Ну что же, начинай, это твоя история.

Филипп

Привет! Меня зовут Филипп. Именно, с двумя «п» в конце. Когда я родился, говорят, все спорили, как мое имя будет писаться, и назвали вот так. Мне семнадцать. Учусь в институте, в юридическом, второй курс заканчиваю.

Все утверждают, что я счастливый человек, потому что могу заниматься тем, что мне в жизни больше всего нравится. Это – баскетбол, с четырнадцати лет играю за лучший клуб Москвы. И это круто! Потому что и я, и мои друзья – не такие как все. Мы – звезды! Мы – самые-самые, самые красивые, самые сильные, самые высокие. Когда идем по улице, все девчонки оборачиваются. Да и не только девчонки, просто вся улица смотрит. Да пусть смотрит, уже привыкли.

Всю жизнь я живу с мамой и бабушкой. Папашка тоже где-то, конечно, имеется, но ни он мной, ни я им – особо не интересуемся. Зато мама с бабушкой у меня прикольные. Бабушку я иногда называю шаманом, она у меня врач, и необыкновенный диагност, к ней идут люди, у кого другие врачи болезнь не умеют определить, а бабушка вот определяет.

Мама всю дорогу в основном меня воспитывает, и никак остановиться не может, даже сейчас продолжает, не понимает, что вырос совсем, и ей мою жизнь все равно не прожить. А вообще, я их люблю, моих дорогих женщин и прощаю им

все, кстати, только им, другим никому ничего не спускаю. Они меня, впрочем, всегда интересно воспитывали, разрешали многое, чего другим ребятам родители ни-ни никогда, правда, и запрещали многое из того, что всем приятелям всегда можно было. Вот я и получился какой-то не такой как все, так мои друзья говорят, что у меня на все свое мнение есть, и что от них, своих коллег по команде, отличаюсь. Сам я, правда, за собой ничего такого не замечаю, но ребята говорят, что это здорово, что есть во мне какая-то индивидуальность и самодостаточность, а может это они так, приятное мне хотят сделать.

Есть у меня кроме бабушки и мамы еще один близкий человек, это мой крестный – дядя Котик, ну да он и сам о себе, думаю, отлично расскажет.

Дядя Котик

Я – Константин, Котэ, крестный папа Филиппа. Мне – сорок пять, у меня есть сын Тимочка, ему пять, да так вот поздно как-то все получилось... Вы уже, наверное, поняли, что я – грузин, так что не сердитесь, если где не очень правильно что-нибудь скажу, у меня это бывает, хоть и живу в России уже больше двадцати пяти лет.

Я Филиппа очень люблю, я его помню, еще когда только на свет появился, такой был маленький смешной, в каждую дырку обязательно залезал. Я его всегда родным считал, да и, может, слышали, у нас в Грузии принято, что крестный – это почти родной отец, если с родителями что случится, он должен крестника на ноги поднять, вырастить. У меня-то Тим вот только пять лет назад появился, а до этого ближе Филиппа никого не было.

Мне вообще-то в Москве поначалу тяжело было, не знал никого, всего боялся, сколько лет прошло, пока пообвык! Чего только не было, где я только не учился, даже до духовной семинарии добрался. Ничего не получалось, хоть плачь, пока вот сначала Филиппову бабушку не встретил, лечился я у нее когда-то, а потом маму, с ними как-то веселее все пошло.

Филипп – он классный, красивый такой, а самое главное, душевный, все его вокруг любят: и друзья, и подружки,

и взрослые. Какой-то чистый человек из него вышел и сострадательный. Я как крестный папа тоже за него все эти годы молился, чтобы все у него всегда получалось, ну и мама его с бабушкой тоже всегда правильно воспитывали, тут уж ничего не скажешь. Ну, так вот я вкратце о себе чуток рассказал, больше и не знаю, что сказать.

Филипп

Ох, дядя Котик лукавит, знаю я его! Он знает, какой красивый! А в молодости в театре играл: пел, танцевал, так, говорят, вечером только с заднего хода потихоньку выйти мог, везде его поклонники поджидали. Ой, чуть случайно не сказал болельщики, как у нас... И сейчас дядя Котик тоже не последний человек в модной индустрии в Москве, он мне такие шмотки таскает! Это при моем-то росте, в 205 сантиметров! А еще его друзья меня к себе в модели часто заманивают. Ну да, это к делу не относится.

Только вот мягкий он очень, и какой-то сентиментальный, может, поэтому и в церковь часто ходит. Я, помню, еще совсем мелким был, он уже мне иконы и образки дарил. И сейчас его Георгий Победоносец над кроватью висит, выигрывать мне помогает. Ну и, понятно, цепь с крестом, что на мне – тоже его. Так у них в Грузии положено, что этим всем крестный отец занимается.

Вообще, у моей семьи какие-то странные взаимоотношения с религией. Вроде и не сказать, что сильно верующие, не помню даже, чтобы мама или бабушка в церковь ходили, вот дядя Котик только... Но, с другой стороны, мама мне в детстве вместо книжек – Библию читала, особенно когда дедушка умер, и я никак понять не мог, куда он делся и когда вернется. Я до сих пор много чего наизусть помню. А ба-

бушка, та и вовсе говорит, что врач без веры никак не может, все хирурги перед сложными операциями непременно в церковь бегают.

Пару лет назад у меня и вообще странная история случилась. В тот год школу закончил, мне пятнадцать было, я в экстернате из-за спорта учился, два последних класса за один год прошел, вот и закончил в пятнадцать-то. Мы думали, я все лето в институт поступать буду, а получилось, как-то сразу, в первом потоке еще в июне и поступил. И образовались у меня полтора свободных месяца до летних сборов. Собрались уже все вместе куда-нибудь на Азов махнуть, как вдруг какие-то бабушкины приятельницы позвонили и предложили поехать мне с молодежной группой в Финляндию за три копейки. Мои-то, понятное дело, против трех копеек не устояли, и живенько меня туда отправили. И знаете, попал я к настоящим сектантам, они там занятия с нами проводили, часов по шесть в день. Не, они не агрессивные были, наоборот – милые, с ними даже интересно пообщаться было, тем более, что они все как-то так сразу на меня запали, и усиленно обучать всему принялись. Ну да, в этом ничего необычного нет, на меня всегда все наваливаются, и на свою сторону сагитировать хотят, давно уже это заметил. Я тогда много чего от них интересного узнал.

Когда вернулся, мои все испугались, что меня там одурманили, переманили. Дядя Котик вообще в истерике бился, что это он, получается, за мной не уследил, непонятно кому мой

духовный рост доверил. Зря они, конечно, так. Вот любят раздувать из мухи слона, волнуются за меня. А чего за меня волноваться, я как к тренировкам на сборах приступил, так у меня все эти религиозные наставления из головы и вылетели, не до них как-то. Да и когда это было! Меня сейчас другое волнует, возьмет меня московская команда на две ступени выше, чем та, за которую я играю, или придется себе что-нибудь на периферии подыскивать, нет в моем клубе команды подходящего для меня уровня! Я понимаю, в семнадцать лет на такое замахиваться, это как-то слишком... но все-равно не я же решаю, ждать где-то неделю осталось, тогда все и узнаю.

Дядя Котик

Да, даже и не знаю, что сказать... Я, в общем-то, человек религиозный, и, значит, просто обязан верить в чудо! Но до этого мне так, рядом, чудес видеть, честно скажу, не доводилось. Впрочем, лучше расскажу все по порядку.

У моего Тимочки есть подружка, маленькая девочка, с которой он любит вместе играть во дворе, в песочнице, и с горки кататься. Она неделю назад как-то так неудачно с этой горки скатилась, что сломала руку, да еще нехорошо очень, со смещением, с суставом у нее тоже не важно. Потому и госпитализировали ее в детскую больницу, лечат.

В прошлую пятницу мы с Тимом решили ее проведать, поддержать. Сходили, фруктов ей отнесли, соков, конфеток, поболтали. А когда вышли, я решил с Тимкой в церковь зайти, свечки поставить, помолиться. Там недалеко храм есть, он мне давно нравится. Я когда поблизости оказываюсь, всегда туда захожу.

Так пришли мы, помолились, свечи зажгли, я даже Тимочке какую-то книжку с картинками купил. А потом решил записки написать за здравие. Подошел к женщине, чтобы продиктовать имена, ну и мы с ней душевно и разговорились. Она меня возьми, да спроси:

– Вы, – говорит, – уже мужчина в возрасте, а сын такой маленький! У Вас, вероятно, еще дети есть?

Я, конечно, как всегда в таких случаях отвечаю:

– Да, у меня еще есть Филипп.

И стал ей про Филиппа рассказывать, какой он необыкновенный, красивый, умный, душевный, какие у него грандиозные успехи в спорте. Она слушала меня, слушала, а потом спрашивает:

– А вот этот Филипп, он Вам кто, это Ваш старший сын? Или Вы – его отчим? Он с Вами живет?

– Да, нет, – отвечаю, – это мой крестный сын!

И тут она мне говорит:

– Обернитесь, видите, позади Вас икона? Это икона святого Филипа, митрополита Московского и Всея Руси. Она для Вашего Филиппа, возьмите.

Я подумал, что она мне эту икону предлагает купить для крестника. Присмотрелся, она деревянная, вручную писанная, хоть и небольшая. Дорогая, наверное. Ну да, ладно, мне для крестного сына ничего не жалко.

– Да, давайте, я куплю эту икону.

– Нет, – отвечает, – вы не поняли. Эта икона не продается. Она здесь специально для Вашего Филиппа висит, Вас ждет. Наш батюшка несколько дней назад был в одном месте, – тут она замялась как-то, и я понял, что расспрашивать не стоит, – и встречался с одним человеком. После разговора этот человек передал ему икону и сказал, что через несколько дней в наш храм придет человек и начнет рассказывать про Филиппа

– Так ты передай для Филиппа эту икону, да скажи, что она ему защитником будет.

Батюшка наш еще спросил тогда, а кто придет-то? И тот ответил, что крестный отец Филиппа. Так вот получается, Вы и пришли... Всего три дня она у нас и провисела-то.

Честно говоря, я сначала даже и не понял, о чем это она. Тем более, что рассказав мне все, женщина начала креститься со словами «Чудо свершилось». И Тимка еще рядом, уже устал и домой хочет.

Я даже сначала и осознать-то, что случилось, никак не мог. Из храма вышел какой-то сам не свой, и вот с этой иконой в руках. До сих пор толком в себя прийти не могу.

Филипп

В прошлую пятницу наконец-то все решилось! Ура! Я остаюсь в Москве, в своем клубе, и сразу перепрыгиваю через две ступеньки. Меня берут, хотя мне всего семнадцать! Постараюсь обязательно никого не подвести.

Только я немного успокоился, как дядя Котик позвонил. В каком-то странном состоянии. Понятно, нервничает. Вот он эту историю рассказывает, до конца доходит, и опять заново начинает. Мама пару-тройку раз выслушала и испугалась. Говорит, вдруг с Филиппом, со мной, то есть, что-нибудь случится, а эта икона в утешение послана. Ну, мама, она, конечно, известное дело, ей только повод дай поволноваться, обязательно воспользуется. Но и сам я тоже удивился, не буду скрывать.

Пока мама так металась, вспомнила вдруг об одном своем однокурснике, который давно уже известным богословом и священнослужителем стал, и прямо тогда же, вечером, ему и позвонила. И так ей повезло, между двумя самолетами дома его застала. Поговорили они. Он сказал, что это хороший знак, и не надо выяснять, кто мне эту икону послал, что это – подарок от Бога. К счастью, мама немного успокоилась. Еще он посоветовал мне обязательно фильм «Царь» посмотреть, последнюю работу Олега Янковского, он там как раз митрополита Филипа играет.

Мы потом с мамой всю ночь в Интернете просидели. И фильм посмотрели, и все что смогли, про митрополита Филипа прочитали. Кстати вот заметили, что последнее время на современных иконах имя митрополита Московского не как у меня пишется, с одним только «п», хотя раньше его тоже с двумя «п» писали, как и мое.

Мама объяснять стала, что такому подарку я соответствовать должен, что с меня теперь спрашиваться будет больше, чем раньше. И тут я почувствовал вдруг что-то такое... Трудно так просто взять и объяснить. Родное, наверное, почувствовал, или просто свое что-то, то есть мое, личное. Ведь святой Филип тоже сначала просто Федором Колычевым был. Никто же заранее не знает, как у него там дальше, в жизни, будет. Я даже у мамы спросил, как она считает, почему эту икону именно мне послали. Она тоже, конечно, не знает. Но сказала, что всякое может случиться, может, священником еще стану. И правда, может и такое со мной произойти, вот чувствую, знаю. А может и не случиться... испугался даже. Я же играть собираюсь, вообще-то чемпионом мира стать мечтал, а тут такое. Мама говорит, кто же мешает, тебе семнадцать всего, все дороги перед тобой открыты, выбирай, пробуй. Не знаю, я конечно от своего не отступлюсь, но вся эта история на меня большое впечатление произвела, да и не только на меня...

На следующий день дядя Котик икону принес. Мы с мамой посмотрели на нее и ахнули. Там написано сначала бы-

ло: «Святой Филип», а потом кто-то добавил сверху такую красивую галочку, всю в завитушках и еще одну «п» пририсовал, теперь получается Филипп, как и я, кто-то ведь специально для меня это сделал.

Взял я эту икону, а от нее свет и тепло идут. Я вот теперь знаю, нимб у святых – это не потому, что они светятся, а потому что позади них есть источник такого света... наверное, это Бог и есть. Мне потом всю ночь святой Филип снился: как он на Соловках работал, храмы строил, как митрополитом Московским стал, как в темнице в оковах сидел.

Икона эта, она – моя, для меня, я чувствую, ни у кого такой вещи больше нет, чтобы настолько своей была, только у меня. Хотя совершенно и не понимаю, за что, зачем и почему именно мне достался такой подарок. И смогу ли я когда-нибудь ему соответствовать. Я все равно ведь собираюсь и дальше быть просто спортсменом, просто играть.

Ничего не понимаю, запутался...

Дядя Котик

Филипп, послушай, дорогой мой, это опять я, твой крестный, дядя Котик. Не надо путаться. И пугаться, право слово, не стоит. Я тоже всю ночь в Интернете провел. Такие чудеса и раньше случались, не ты первый. Просто люди тогда другие были, верующие, поэтому и относились к таким вещам по-иному, спокойнее.

Почему ты вообразил, что обязательно сейчас должен что-то решить? Или именно сегодня непременно что-то кардинально поменять в своей жизни? К чему такая спешка?

Есть теперь у тебя своя икона, и хорошо, радуйся, любииее. Думаю, когда время придет, ты все поймешь. Новая дорога сама перед тобой откроется, и совсем не обязательно, что она такая будет, как тебе сейчас может казаться. Не надо вперед пытаться заглядывать, это ни к чему хорошему не приведет!

И почему ты решил, что обязательно священником станешь, может, тебе совсем другое уготовано? Людям и Богу ведь по-разному служить можно. Только имей в виду всегда, что кому много послано, с того и спрос больше. Помни просто об этом и старайся учитывать.

Живи ты себе спокойно как жил, играй, глядишь, и правда, чемпионом мира станешь, нас порадуешь. Будут еще в жизни твои собственные перекрестки, сами тебя найдут.

Ты, надеюсь, меня понял?

Дед

Каждое лето, а также часть весны и осени, если погода соответствовала, Иван Сергеевич, майор в отставке, и восьмилетняя располневшая ротвейлерша Рута проводили на даче под Егорьевском.

Дачный поселок у них был старый и совсем небольшой. Постоянно там проживали еще только две пожилые женщины, которые при всех домашних неполадках: дверь в сарае не открывается, просела, кран на садовом шланге сорвало, всегда бежали к нему. И Иван Сергеевич шел, помогал, не отказывал. В выходные, начиная с вечера пятницы, народу, конечно, прибывало. Но и тогда поселок не становился шибко оживленным. Именно за тишину и спокойствие Иван Сергеевич любил свою дачу, которую они с уже покойной женой строили сами, почти тридцать лет назад, когда Алешка, сын, был совсем мелким и нуждался летом в свежем воздухе.

Сейчас Алешка в свежем воздухе, если и нуждается, то ищет его в других краях, с трудом выкраивая пару-тройку недель на отпуск. Вот и сейчас махнул на машине куда-то к морю.

Июньское утро вторника начиналось замечательно. На кусте около забора расцвел первый махровый пион густо-малинового цвета. В парнике огуречных завязей оказалось вдвое

больше, чем накануне. В клубничных грядках замелькали первые красные ягоды. Пока Рута совершала свой обязательный ежеутренний обход всего поселка, посматривая не случилось ли где за ночь чего плохого, Иван Сергеевич поработал в саду и отправился готовить завтрак, после которого они собирались на рыбалку.

Через час вышли из дома. Миновав цветущий и гудящий пчелами луг, перейдя через шоссе, они оказались на берегу большого, серповидной формы озера. Вокруг почти никого не было, кроме двух-трех рыболовов, сидящих вдалеке друг от друга. Любимое место Ивана Сергеевича оказалось свободным, там он и устроился на прихваченном из дома раскладном стульчике. Рута улеглась рядом.

В ведре плескались караси. Солнце сильно припекало и, отражаясь от воды, слепило глаза. Иван Сергеевич решил забросить удочки последний раз, потом искупаться и отправиться домой. Вдруг Рута встрепелулась и зарычала. Сначала Иван Сергеевич не обратил внимания, решив, что она заметила где-нибудь вылезшую на берег ондатру, которых в озере водилось пропасть. Но Рута встала и повернулась в сторону тропинки, продолжая волноваться. Тоже обернувшись туда, Иван Сергеевич увидел молодую маму с коляской, видимо, направляющуюся купаться.

– Фу, Рута, не злись, дай людям пройти.

Но девушка проходить, кажется, и не собиралась. Не обращая внимания на собаку, опустилась на траву рядом с ры-

боловом.

– Привет! Узнаешь меня?

Иван Сергеевич оглядел пришлицу внимательней. Ей было лет двадцать пять, или даже чуть больше. Вблизи она уже не смотрелась такой юной, как ему показалось вначале. Лицо выглядело отекившим, а платье не очень свежим.

– Нет. Не припоминаю.

– Я Ольга, подруга твоего Алешки. Помнишь, мы как-то с ним сюда приезжали?

Что-то Иван Сергеевич вроде действительно вспомнил.

– Ладно, пойдем, чайку попьем, жарко становится. Какими судьбами тут?

– Некогда мне чаевничать. Вот, внучку принимай, Анькой зовут. Дела у меня, мешает она мне.

– Что? Внушка? Я ничего не знаю. А Алексей в курсе?

– Нет его в Москве. Я потому сюда и притащилась, в такую даль.

– Но... он в отъезде... его и здесь нет.

– А мне без разницы. Пошла я. Не захочешь возиться – в ментовку сдай. Чао!

И девица резво поскакала в сторону шоссе, где останавливался следующий в Москву автобус. Сначала Иван Сергеевич от обрушившейся на него новости замер, потом попытался кинуться за Ольгой, но она уже выбралась на дорогу и тормозила сверкающую коричневую иномарку. Наконец, он опять вернулся на стульчик. О продолжении рыбалки уже

речи не было. Чисто автоматически смотав удочки, достал мобильник и набрал номер Алешки. Но телефон оказался выключен или недоступен. Вот незадача. Ведь еще вчера сын звонил, сообщив, что добрался нормально, и уже купается в море.

Со стороны брошенной коляски донеслось легкое побрякивание. Опасливо заглянув в нее, Иван Сергеевич увидел крошечную девочку, спящую с красной пустышкой во рту.

Это вообще никуда не годится. Он ничего не знает. И что там болтала эта девица? Дочка Алешки? Внучка? Не может такого быть, сын бы рассказал обязательно, он легкий, контактный и совсем не скрытный. Что ж делать-то? Действительно в милицию, что ли, идти? Но сначала надо уйти отсюда. Уже совсем жарко. Иван Сергеевич покатил коляску по направлению к дому.

Когда они с Рутой шли по улице своего поселка, из коляски уже несли нешуточный плач. Две постоянные соседки Ивана Сергеевича как раз только устроились в тенистой беседке возле забора за кружками чая и разговорами. Но непривычная картинка и звуки заставили их оставить полуденную разнеженность и поспешить к мужчине. В дом они входили уже впятером, если считать путающуюся в ногах и тоже порядком обескураженную ротвейлершу.

Пока Иван Сергеевич пересказывал случившееся с ним у пруда, женщины хлопотали над коляской. Из нее была извлечена крошечная девочка, одетая в оранжевый комбине-

зон с вышитым на нем медведем. В углу коляски нашлась уже ополовиненная банка детского питания, бутылка с соской и два памперса.

– Месяца два ей, не больше, – заметила соседка, которую все, независимо от возраста, звали почему-то бабой Любой, споро переодевая девочку, – пойди чайник поставь, голодная небось.

– Слушай, а что ж ты теперь делать будешь, – спросила вторая женщина, Лида, – надо правда в милицию сообщить. Ишь, придумали, собственных детей бросать.

– Какая милиция, Лида, окстись! Это ж внучка его, Алешкина дочь. Причем тут милиция?

Сам Иван Сергеевич участия в обсуждении не принимал. Случившаяся с ним история, казалось, парализовала все его мыслительные способности, размышлять логически он пока был не в силах. Накормив девочку, баба Люба уложила ее опять в коляску и выкатила из душного дома на террасу. За ней подтянулись и остальные.

– Ну что ты все молчишь? Делать чего будешь? Звони Алексею! Пусть приезжает и сам разбирается – опять завелась Лида.

– Так нет его в Москве, отдыхать уехал. Звонил я ему, телефон почему-то выключен.

– Еще звони.

– Ну вот, опять, выключен или недоступен.

– Ну и что теперь?

– Не знаю. А милицию нет, не надо.

– Что-то вы совсем не о том, – вмешалась баба Люба, – смотри, Иван, у малой только одна одежда, и памперсов нет, и еды всего на день. Давай, езжай в Егорьевск, а мы тут пока понянькаемся.

Пока Иван Сергеевич выводил из гаража свою выдавшую виды, но заботливо ухоженную Нексию, женщины составили список всего необходимого малышке.

Механически руля по знакомой дороге, Иван Сергеевич все думал о том, как же такое могло произойти, что он не знал, что у него родилась внучка. Дед. В этом слове была какая-то основательность и серьезность, переход на новую ступень своего собственного существования. Анна. Надо же! Эх, жаль жена не дожила, вот бы сейчас радовалась.

Когда он вернулся, девочка не спала, доброжелательно рассматривала развлекающих ее женщин. Иван Сергеевич осторожно и робко провел пальцем по крошечной щеке. Где-то глубоко внутри ожило, выбралось на поверхность воспоминание. Такие же нежные щечки были когда-то и у его сына. И такие же темно-голубые глаза, еще не совсем осмысленно взирающие на окружающие предметы. Действительно похожа, его. Внучка. Дожил, дождался.

Еще пару часов посидев с ними, соседки засобирались по домам. Вечерняя прохлада призывала к садово-огородным работам. Надавав хозяину кучу советов, они обещали прийти позже, чтобы помочь искупать малышку. Иван Сер-

геевич остался один.

Давно ему не было так страшно. За новорожденным сыном ухаживала жена, а сам он с удовольствием возился с ним, не особенно вникая во все премудрости, связанные с такими маленькими детьми. К счастью, сейчас малышка мирно спала. Рута тоже улеглась рядом с коляской, но не дремала как обычно, а настороженно озиралась по сторонам. Мужчина уже заметил, что пожилая собака старается держаться возле девочки, видимо полагая, что та нуждается в особенной защите.

Через час девочка проснулась. Аккуратно, безумно страшась сделать что-нибудь не так или выронить маленькую, Иван Сергеевич кое-как передел ее и постоянно сверяясь с оставленной бабой Любой инструкцией, приготовил молочную смесь. Когда малышка наевшись, опять уснула, он вспомнил, что за весь день они с Рутой только завтракали, и отправился на кухню, строго приказав собаке не отходить от коляски. Готовя, он все время выглядывал в окно, волнуясь, как они там без него.

После ужина надо было бы поработать в саду. Но делать этого не хотелось. Он поймал себя на мысли, что ему вдруг стало решительно наплевать побелены ли у него стволы яблонь или подвязаны ли кусты малины. Хотелось подобно Руте сидеть возле коляски, рассматривая, вглядываясь в маленькое личико.

Часов в десять вернулись соседки. Вместе они искупали

Анечку. Иван Сергеевич бережно поддерживал маленькое тельце в ярком новом тазу, а баба Люба намыливала и поливала теплой водой из кувшина. Девочке купание явно нравилось, она улыбалась, и даже, как показалось Ивану Сергеевичу – ему лично.

Ночью он спал плохо, постоянно прислушиваясь к дыханию из коляски. Его собака, кажется, тоже волновалась, стараясь услышать раньше всех любые посторонние звуки рядом с домом. Пару раз девочка просыпалась и начинала плакать. И Иван Сергеевич тотчас вскакивал, чтобы покормить и укачать.

Утром мужчина осознал, что чувствует себя более уверенно, научился чему-то за те несколько часов, что Анечка провела с ним. Он уже ловко, не тушуясь, брал ее на руки и уверенно совершал все необходимые действия. К середине дня даже всполошился, что в Егорьевске не сообразил купить игрушки и, оставив девочку под присмотром бабы Любы и Руты, опять съездил в город, заодно прихватив в магазине и детский манеж.

Малышка оказалась достаточно спокойным, неприхотливым ребенком. Ее жизнь протекала по часам, строгому графику. И Иван Сергеевич быстро приспособился, это даже напомнило ему железную армейскую дисциплину, которую приходилось соблюдать почитай полжизни. Весь уклад его дачного существования теперь соответствовал потребностям маленькой гостьи. И он распланировал себе дневные

дела, успевая даже присматривать за своим давно уже образцовым участком. Помогала и Рута, рядом с которой девочку всегда можно было оставить, если ему нужно было отойти за дом, или еще куда-нибудь, откуда коляску не было видно.

Немного смущало, что никак не удавалось связаться с сыном, его телефон по-прежнему не отвечал. Но это обстоятельство уже перестало казаться важным. Иногда Иван Сергеевич даже радовался, что получится сюрприз, представляя, как удивится и обрадуется его уже взрослый мальчик, увидев свою дочь. Обе соседки тоже часто забегали к нему ответить на какие-нибудь вопросы или просто поворковать над девочкой

Так мирно и спокойно они прожили чуть больше двух недель. Анечка явно немного подросла и уже отчетливо улыбалась деду и всем, кто попадал в пределы ее внимания.

Как-то в середине дня дед с внучкой привычно занимались повседневными делами на террасе. От ворот поселка слышался оглушительный рык мотора. Про себя Иван Сергеевич машинально отметил, что у кого-то сорвало глушитель, и забеспокоился, как бы малышка не испугалась.

Около его забора остановилась потрепанная, вся в ржавых пятнах, неопределимой уже марки колымага, оглашая окрестности блатным фольклором из динамиков. С крыльца Иван Сергеевич увидел, как из нее вылезла какая-то женщина в пронзительно желтой мини-юбке и, открыв калитку, по дорожке направилась к дому. Передвигалась она как-

то странно, неуверенно, слегка пошатываясь, то ли из-за высоченных шпилек на ногах, то ли из-за того, что явно была не совсем трезва. Это оказалась Ольга, Анечкина мама.

Взобравшись на террасу, она бесцеремонно шлепнулась в кресло.

– Ну что, – начала не поздоровавшись, – как тут моя красотка?

– Да хорошо все, здорова. Проведать приехала?

– Не, забираю. У меня тут планы изменились, – и Ольга взялась за ручку коляски. Рута зашлась злобным лаем. – Псину свою убери. Поехали мы.

– Как забираешь, – схватив за ошейник собаку, все еще не мог понять Иван Сергеевич, – ты же говорила, она тебе не нужна.

– А теперь понадобилась. Моя дочь – что хочу, то и делаю, – и Ольга покатила коляску к выходу с участка. Проснулась и заплакала девочка, лаяла, рвалась из рук хозяина Рута, а сам он никак не мог сообразить, что происходит. Из машины вылез плотный, наголо бритый бугай и стал складывать коляску в багажник.

– Ольга, – крикнул Иван Сергеевич – а питание, бутылки, памперсы, и одежда для Анечки тут... и заяц ее.

– Да, совсем забыла, давай, – вернулась Ольга.

Еще через пару минут рев двигателя затих где-то вдали. Отпустив, наконец, Руту, мужчина опустил на ступеньку крыльца. К нему уже спешили встревоженные соседки.

– Иван, это что было-то? Кто?

– Анечку забрали.

– Как забрали, кто?

– Мать, Ольга.

– Это та вот пьяница, что из машины еле вылезла? Да как же ты отдал?

– Стой, Лидка, – это уже была баба Люба, – не лезь. Что он сделать-то мог? Видишь плохо Ваньке, за грудь держится. Давай в комнату, за валидолом. А ты, Сергеич, держись. Ничего пока не случилось. Ну, забрала, подумаешь, пару дней поиграется и опять отдаст. Сейчас Алешка вернется и сам разберется. Еще может совсем ваша станет, документы на нее выправите. Ты давай, не дури, инфаркта нам еще не хватало. Сам знаешь, Скорая сюда ездить не любит.

В эту ночь мужчина не спал совсем, бесцельно слоняясь из угла в угол. Взгляд его останавливался то на забытых на комод крошечных носочках, то на задвинутом за шкаф сложенном манеже. Рута тоже вела себя непривычно: нервничала, вопросительно смотрела на хозяина, которому нечего было ей ответить.

А к вечеру следующего дня появился сын, загорелый, посвежевший, с изрядным запасом крымских вин.

– Ну как ты тут, отец? Прости, что не звонил, мобильник в море случайно утопил. Завтра новый куплю. А ты что-то неважно выглядишь. Болел? Случилось что?

Выслушав все, что произошло с Иваном Сергеевичем

в последние недели, сын недоуменно пожал плечами:

– Ольга? Ну да, она мне тут как-то звонила и что-то такое говорила, про ребенка. Но мы с ней года три назад встречались. А потом, я слышал, она на иглу плотно села. Нет, отец, это не моя дочь. Обманула она тебя. Исключено.

И тут Иван Сергеевич заплакал. За последние пятьдесят лет это были чуть ли не первые его слезы.

– Не твоя? Анечка! Как же так?

– Папа, – испугался Алексей, – да ты что? Вот женюсь – будут у тебя внуки, свои, еще помянчишься.

– Да будут у меня внуки, будут. Анечки не будет!

Подарок (из путевых приключений моего друга)

Когда я по делам попадаю в Париж, всегда спешу навестить Лешку. Знаю его всю жизнь, мы родились в одном доме. Вместе сначала ползали, затем бегали, катались, вечно споря и ссорясь, на общем трехколесном велике, найденном Лешкиным отцом на помойке и доведенным саморучно до ума, по широченному коридору с двенадцатью жилыми комнатами коммунальной квартиры. Вместе отправились в детский сад, а потом просидели за одним столом десять школьных лет.

Думаю, Лешкой он остался уже только для меня. Для всех остальных давно – средней руки респектабельный парижанин, проживающий в самом сердце города, недалеко от площади Вогезов. И зовут его сейчас соответственно, не Лешкой Зайцевым, как в школе, а Лукасом Ле Заком, как и положено, если живешь в самом красивом городе мира, и самом пафосном. Они с Маринкой давно уехали, еще в самом начале девяностых. Нахапал Лешка дуриком денег, как и мы все тогда: на фальшивых чеченских авизах, несуществующих в природе французских строительных кранах, китайских кожанках, угнанных в добропорядочной Европе автомобилях, которые даже вездесущий Интерпол не мог в Рос-

сии достать, не было ему к нам ходу. Каждый тогда по-своему этими дурными деньгами распорядился, большинство прогуляло, пропило, просидело, проубивало, и потом никогда за всю жизнь столько не заработало. А Лешка вот в Париж свалил, как всю юность мечтал, и, выходит, не прогадал, что-то куда-то вложил, преумножил, преуспел. Дочь у них, Роззи, Сорбонну уже закончила, самостоятельно живет. Все чинно, спокойно, достойно, вдали от наших дразг и потрясений. А я, значит, в гости к нему наведываюсь, посидеть в просторной, летом залитой солнцем через высокие стрельчатые окна, столовой, отведать французского коньячку, покалякать за жизнь.

Только русский мужик, сдается мне, не под такое заточен: мирное, дремотное, обеспеченное. У нас же экстрим в крови кипит, генной памятью, и не отпускает ни при каких обстоятельствах. Быстро нам скучно становится, пресно, а оттуда и до депрессии близко, до мыслей разных неправильных, разрушающих. Вот за это нас капиталисты понять и не могут, нашу мятущуюся и загадочную русскую душу. Но у Лешки таких проблем нет, давно решил, уже лет двадцать как. Путешествует он, да не пузо греет в дорогах отелях, а норовит куда подальше, поэкзотичнее забраться: джунгли, горы, северные моря. Зброшенные всеми уголки нашей необъятной планеты – это вот для него, манит. Пока дочка маленькая была, один бродяжничал, жена даже не перечила, понимала, что иначе от безделья в раз загнется, или глупость какую

выкинет, типа, обратно, в Россию захочет. А потом, где они только вместе не побывали: и на львов охотились, и на запрещенные глубины с аквалангами ныряли, и даже по горам, где не ступала нога европейцев, лазили. Я еще и поэтому люблю у них бывать, рассказы слушать, фотографии рассматривать. Словно, по другой планете экскурсия.

Вот и в этот раз, схватил в Орли мотор и сразу к ним. Лешка меня встретил все такой же, как всегда: загорелый, улыбающийся, только лысина на затылке еще больше стала. Утонули мы с ним в креслах возле камина: коньячок, кофе-ек, то да се, обед скоро. Поболтали, повспоминали, новостями обменялись, как водится. И только тут я заметил, мадам Колет, сто лет уже Маринке по хозяйству помогает, на двоих накрывает, выходит – нам с ним. Каждый раз, как я сюда прихожу, мадам Колет пытается незаметно подсунуть мне лучшие и самые большие куски, считает, все русские голодают.

– Слушай, а Маринка твоя где, уехала куда?

– Нет. Тут, понимаешь, такое дело вышло, ушла она от меня.

– Да ну! Как ушла? Вы с ней, почитай, столько уже вместе, по одному и не представлю.

– Да, так-то оно так, конечно. Я тоже надеюсь – опамятуется. И главное – из-за ерунды все. А как ей доказать – не знаю. Не верит мне – и все, хоть расшибись. Она же, помнишь, в молодости, какая ревнивая была, все ей что-то каза-

лось, чего и не было вовсе. Ну и вот, рецидив у нее сейчас.

– Так уж и казалось только? Ты хоть мне в уши не дуй. Случалось у тебя, я точно знаю. Опять налево, что ли, сходил, греховодник старый?

– Да куда там, ты что, не об том вовсе. Та история старая, и совсем невинная, ничего там не было. В том-то и дело.

– Так расскажи, вместе поразмышляем, как с Маринкой лучше быть.

– Да, пожалуйста, слушай, если не лень. Это было где-то лет шестнадцать-семнадцать назад, сейчас уже и не припомню точно. Я тогда увлекся каннибальскими первобытными племенами, и потому оказался на Борнео.

– Каннибальскими? И не боялся, что тебя съедят?

– Да, сам знаешь, я по молодости шалый совсем был, ничего не боялся.

– Помню. Ладно, дальше давай.

– А ты тогда молчи и не перебивай. Ну, так вот. Поселился в отеле. Отель, как отель, цивилизованный, звездный: холодильник, телевизор, бассейн – все как положено. Тоска. Потавился, понятно на экскурсию к племенам-каннибалам. Три дня по какой-то вонючей реке взад-вперед плавали на хаузботах – лодки такие, со спальнями, кухнями, сортирами. Все чисто, прикольно – дальше некуда. Племена эти, вот те крест, видно, что это они представление для нас, европейцев, разыгрывают, деньги зарабатывают, а потом к себе домой отправляются, в город, и не отличишь там их от тех, кто

в магазинах и на рынках всякую белиберду впаивают, или даже в отелях на ресепшн сидят. Разводиловое, в общем, по нашему это, по-русски, называется. Не для меня. Одна радость – на тех ботах я еще с двумя мужичками познакомился, один австралиец, другой американец. И тоже, такие, недовольные, заводные, ищущие приключений и впечатлений, как и я. Всосали мы на троих бутылочку вискаря, и этот австралиец рассказал, что тут, на острове, можно, по-тихому, конечно, нанять частный самолетик с проводником. Настоящие каннибалы, охотники за черепами, дальше живут, в горах, так просто, по речке, туда не доплывешь. Самолету тоже не приземлиться, но можно прыгнуть, с парашютом, а потом проводник проведет по джунглям в племя. Только денег стоит, ему одному дорого

Понятно, мы все втроем загорелись, еле дождались, пока эти боты вернулись назад. Пошукали, поспрашивали – все чистой правдой оказалось. Нашли мы и самолетик с пилотом, и проводника, готового с нами по джунглям лазить. Класс! Опять же парашютом, как в американских фильмах про спецчасти. Ты же знаешь, я еще в армии прыгал, люблю это дело.

Ну, значит, собрались мы, а денек, как назло, выдался хмурый такой, ветреный. Эти, местные, летчик и проводник, лететь даже не хотели, боялись. Мы им денежек еще чуток подкинули, и все проблемы разрешились к обоюдному удовольствию. Но над горами уже прямо заштормило, самолете

тик наш кидает из стороны в сторону, трещит, американец блевать начал, и очканул:

– Не буду, – говорит, – прыгать, самоубийственно в такую погоду, обратно полечу.

Но мы с австралийцем решили до конца идти, хоть проводник и возражал. Что ж, обратно, что ли, поворачивать, если на месте уже? Я первый прыгал. Как дверцу открыли – там ужас что делается, ветер аж свистит музыкой, не просто завывает. Я, честно скажу, тоже подумал, ерунду делаю, но как теперь отступишься, под чужими взглядами? Вывалился, в общем, сразу меня закружило – не поймешь, где верх, где низ. Хорошо, парашют у них современный был, автоматический, сам раскрылся. Чувствую, дернуло меня, и вот, закачался между небом и землей, внизу зеленые кроны колышутся, приближаются. Застрял мой парашют на пальме, хоть проводник и говорил, поляна внизу, около реки, и поселок папуасов рядом совсем, виден, неправда – вокруг заросли какие—то дикие, и все. Выпутался я кое-как из шелка, отстегнулся, решил парашют там и оставить, потом заберем, не справится мне одному. А сам по стволу аккуратненько так вниз пополз. Но я, знаешь, тебе, не обезьяна. Уже метра три до земли оставалось, а ствол ведь все толще становится, еле обхватываю. Короче, навернулся я оттуда, и так приложился головешкой, сознание даже на какое-то время потерял.

Как пришел в себя – по сторонам смотрю – мрак. Нико-

го нигде, ни австралийца, ни проводника, ни каннибалов, только я. Непролазный лес вокруг, но не наш, тропический. Пальмы разной высоты, лианы, цветы самых ярких расцветок, бабочки экзотические, я таких в жизни не видел. Красиво, конечно. Только как-то тревожно на душе, непонятное все, незнакомое. Слышу рядом громко так: «крэк!», как выстрел, я даже голову вжал, потом опять: «крэк!». Оборачиваюсь, на кусте птица огромная сидит, с нашего орла, только вся ярко-розовая, а хвост зеленый. Клюв у нее здоровый, как разводной ключ, и она им орехи разгрызает: «крэк!»

Ощупал я себя со всех сторон – в порядке, вроде, все, цел, только на левую ногу наступать больно, потянул, видать, в голеностопе. Шоколадку пожевал, водичкой запил – в рюкзаке у меня было, идти надо, выбираться, а куда – непонятно. Огляделся я и направился туда, где посветлее, чтобы в зарослях не запутаться. Тащусь потихонечку, нога все сильнее болит. А вокруг сыро как-то, душно, дышать нечем, куртка вся потом пропиталась, но снять нельзя – неизвестно, что за дрянь вокруг ползает, ядовитая, пауки, вон, с ладонь мою. Москиты и так все лицо обкусили – не притронешься. Пару раз змей видел, маленьких таких, прямо из-под ног прыснули. И послал я в душу мать эту свою тягу к приключениям. Все, похоже, доразвлекался, здесь и сложу голову на радость местным каннибалам. И могилка, даже, не понадобится. А тут уже и темнеть начало. Ночь мне, точно, не пережить.

Тут Лешке пришлось прерваться, за стол пора садиться. А я так заслушался, что и не сразу даже догадался, что мадам Колет от нас хочет. Словно сам рядом с другом в джунглях побывал. Только не понял я, какое все это отношение к Маринке имеет, эта давняя история, пусть и захватывающая.

– Имеет, имеет, не торопись, – подтвердил Лешка, – сейчас поедим, и продолжу, еще сам убедишься.

Через час он опять стал рассказывать. Я, признаться, еле дождался, так хотелось узнать, что дальше будет. Это ж не в книге читать. Вот он, Лешка, живой, настоящий, передо мной сидит и про себя рассказывает.

– Так на чем я остановился? Ах да, – продолжил Лешка, уютно раскуривая сигару возле камина, – повезло мне тогда капитально. Я уже совсем из сил выбился, стемнело, еще немного – и ночь. И тут я куда-то, наконец, вышел. Поляна большая, костер посередине горит, а возле – дом, длинный такой, из прутьев сплетенный. Мне бы улепетывать прочь надо – племя там, каннибалы, а я не могу. Упал в траву, а они, от костра, уже бегут ко мне. Все, думаю, последний мой час настает.

– Кто?

– Что, кто?

– От костра кто бежал, кто они?

– Ну, кто? Папуасы, конечно. Мужики в повязках на бедрах, разрисованные все, заросшие. Женщины у них и вовсе почти голые ходят, у многих дети на руках. На, вот, возьми

альбом, посмотри, фотографировал я там потом.

Ко мне на колени опустился увесистый фотоальбом в кожаной обложке. Открыв, я увидел странный длинный дом, дикарей, украшенных бусами, татуировками, и все, что рассказывал друг, виделось мне теперь картинками.

– Схватили они меня, потащили к костру. Все племя вокруг собралось, пальцами тыкают, что-то по-своему лопочут, трогают, удивляются, по всему, моему виду, не встречали никогда таких. Там у костра два мужика постарше сидели, совсем седые. Видать, главные, вожди, или еще кто. Один из них, с бубном в руках, ко мне протолкался, уставился, руку протягивает, вставай, мол. Я попытался, но нога в голеностопе совсем онемела, опять упал. Он на колени передо мной опустился, ощупал связки, а потом, раз, резко повернул, больно так, я даже вскрикнул, а он успокаивающе бормочет, и в толпу еще что-то приказал. Принесли ему листья какие-то, волокна, он к ноге мне накрепко все привязал. Вроде, полегче стало, поднялся я с трудом на ноги, спасибо, кто-то еще палку крепкую протянул. Тут расступились все, чтобы я ко второму, что у костра остался, прошел. Доковылял я, а он мне на место рядом с собой похлопывает, садись мол, и этот, что меня лечил, тоже подошел. Уселся я, они мне с двух сторон говорят что-то, я почти не понимаю, хоть перед отъездом и выучил двести слов основного наречия, как всегда делаю, я тебе говорил уже. Обычно, двухсот слов хватает, чтобы с этими примитивными народами объясниться.

Я про свой рюкзак вспомнил, скинул, у меня там подарки были припасены, знал же, куда направляюсь. Этим, главным, что рядом со мной сидели, я по браслету вручил, из бисера сплетенные, и бутылку водки, еще вокруг зажигалки разноцветные мужчинам раздал, женщинам ленты шелковые. Вроде, все довольны остались. Радовались. Ужин начали разносить. Каша какая-то, фрукты, чай. Но мне уже не до чего было, устал так, глаза сами закрывались, прямо там, возле костра, заснул. Потом они меня в дом проводили, циновку плетеную указали, и я как в черную яму провалился.

Проснулся уже под утро, светлело, по нужде. Картина, скажу, невообразимая, вокруг меня в самых разных позах дикари дрыхнут. Стал я к выходу пробираться, чтобы на улицу выйти. Смотрю, у стены мои двое знакомцев сидят, старых, не спят, бормочут что-то или поют, руками размахивают, колдуют. Подошел я ближе, вижу – перед ними на циновке женщина лежит, тоже пожилая, глаза закрыты, лицо желтое, исхудавшее, кожей плотно обтянуто. Эти меня увидели, опять что-то говорят. Я отдохнул, наверное, соображать лучше стал, прислушался – похоже, разбираю кое-что. Жена это, вождя, болеет неделю, все хуже ей. Пригляделся я к ней – на малярию похоже, я такое уже видел, правда, у белых, к руке ее прикоснулся – огнем горит. Точно инфекция какая-то, местная, даже если и не малярия. А я, уже тебе тоже поминал, в джунгли с собой такую аптечку таскаю – врачи позавидуют, мало ли что случиться может. И лекарства на-

ши, французские – это не как нас с тобой в детстве аспирином от всех болезней пользовали. В общем, достал сильный антибиотик, и знаками мужикам объяснил, чтобы сейчас одну таблетку выпить заставили, а потом завтра и послезавтра. Они поняли, вроде. А я свои дела сделал и спать завалился. Утром смотрю, вокруг больной теперь женщины сидят, дежурят, но она как-то получше выглядит, чем ночью. А вечером и совсем в себя пришла, даже поела. В общем так, случайно, вылечил я жену вождя, за что они все меня зауважали. И, кстати, нога моя тоже быстро зажила, тот дед, с бубном, дело свое знал. Пожил я там, в племени, еще дня три, вкусил экзотики, пофотографировал, пора и честь знать.

Пошел к вождю, прошу объяснить, как отсюда выбираться. А он мне – оставайся с нами, ты хороший. Я говорю, нет, меня дома тоже жена ждет, идти надо, скажи, где тут еще люди живут. Он говорит, далеко, километров сто пятьдесят отсюда деревня, не дойдешь, живи. Но я все на своем стоял. Тогда он мне по секрету – доплыть можно, по реке, в лодке, даже грести не нужно, течение само донесет, на второй день. Я ему, дай мне лодку и сопровождающих, надо мне. Он отвечает, лодку, так и быть дам, а своих людей с тобой не отпущу. Почему? Мы, говорит, там не бываем, нечего там делать. Плыви один, тут все просто. Один, так один, спасибо вообще отпускают. Я тут всю свою жизнь коротать не подвязался. Договорились на утро следующего дня.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.